

Н Г У Г И В А Т Х И О Н Г О

КРОВАВЫЕ ЛЕПЕСТКИ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Нгуи Ва Тхионго

Кровавые лепестки

Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74310336

Кровавые лепестки: АСТ; Москва; 2026

ISBN 978-5-17-182757-1

Аннотация

Когда-то Илморог был крошечной деревушкой, затерявшейся на просторах саванны, а сегодня это процветающий промышленный и туристический центр, в котором жизнь бьет ключом. Но на окраинах города, там, где стоят все те же примитивные лачуги, время как будто остановилось – люди по-прежнему живут по заветам предков, в согласии с духами леса, реки и холмов. Здесь, как и сотни лет назад, племя собирается в круг у костра, чтобы исполнить древний ритуальный танец, от которого гудит и дрожит сухая потрескавшаяся земля. Здесь под пологом леса передают из рук в руки чашу с «напитком правды», настоящим на кроваво-красных лепестках тенгеты. Человеку с чистыми помыслами тенгета откроет истину, лжеца – выведет на чистую воду. Но так было раньше, до появления белых людей, которые решили превратить священный напиток в самый обычный товар...

Содержание

Часть первая. Дорога...	6
Глава первая	7
Глава вторая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Нгуги Ва Тхионго

Кровавые лепестки

Моей матери и Ньямбуре

*В память Нджинджи ва Тхионго, скончавшегося
6 апреля 1974 года*

*Страшные щупальца первобытного мира!
Змееподобны ветви мангровых деревьев,
отвратительны их шестипалые корни, под
которыми прячутся жабра цвета темного
мха и лилия с запахом ядовитым и
кровавыми лепестками. Путник, этим зрелищем
заороженньй, погибнет, сбившись с дороги.
Дерек Уолкотт. Болото*

Ngugi wa Thiong'o
PETALS OF BLOOD

Печатается с разрешения Ngugi wa Thiong'o c/o The Marsh
Agency Ltd.

© Ngugi wa Thiong'o 1977

© Перевод. А. Файнгар, наследники, 2025

© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

Автор выражает признательность:

- Союзу советских писателей, который предоставил мне свой дом в Ялте для завершения работы над романом;*
- д-ру Сэмюэлю Кибичо, который открыл мне мир литературы, и в частности романа;*
- Стивену Тхиро, без которого я, возможно, не стал бы писателем;*
- а также многим другим, борющимся вместе с нами за свободу, знаящим, что, какой бы длительной и тяжелой ни была эта борьба, победа будет за нами.*

Часть первая. Дорога...

Я взглянул, и вот – конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить... И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч... Я взглянул, и вот – конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей... И я взглянул, и вот – конь бледный, и на нем всадник, которому имя «смерть»... и дана ему власть над четвертою частью земли – умерщвлять мечом, и голодом, и мором, и зверями земными.

Откровение 6:2–8

Он презирал жестокость королей. Но из его милосердия выросла лютая гибель, и дрожащие монархи приходят опять, с ними их обычная свита: сборщик податей, поп, палач, тюремщик, вельможа, законник, солдат и шпион.

Уолт Уитмен¹

¹ Перевод К. Чуковского.

Глава первая

1

Пришли за ним в воскресенье. Он только что возвратился домой после ночного бдения на горе. Прилег отдохнуть, раскрыл Библию на Книге Откровения. В дверь постучали. Вошли двое полицейских – один высокий, другой коротышка.

– Господин Мунира? – спросил коротышка. Над его левой бровью красовался звездообразный шрам.

– Да.

– Вы преподаете в начальной школе Нью-Илмороба?

– У вас есть какие-то сомнения на этот счет?

– Нет, конечно нет. Но ведь нужно все проверить. Убийство есть убийство.

– Что вы имеете в виду?

– Вам надлежит явиться в полицию.

– По поводу?..

– Убийства, чего же еще? Убийства в Нью-Илморобе.

Высокий, до сих пор молчавший, поспешно добавил:

– Ничего особенного, господин Мунира. Просто снимут свидетельские показания.

– Можете не объяснять. Я понимаю – вы только выполняете свой долг. Разрешите мне одеться.

Они переглянулись, удивленные его спокойствием. Вскоре он вернулся с Библией в руках.

– Вы никогда не расстаетесь с Библией, господин Мунира, – с удивлением сказал коротышка: эта книга вызывала в нем почтительный страх.

– В эти дни, что еще отделяют нас от второго пришествия, мы каждую минуту должны быть готовы сеять семена веры. А здесь, – Мунира показал на Библию, – предсказано все: раздоры, убийства, войны, кровь.

– Вы давно в Илмороге? – спросил высокий, чтобы прекратить разговор о конце света и втором пришествии. Он исправно ходил в церковь, и слова Муниры его рассердили.

– Что, допрос уже начался?

– Нет-нет. Это не для протокола, господин Мунира. Просто любопытство. Мы ничего против вас не имеем.

– Двенадцать лет, – ответил он.

– Двенадцать лет! – изумились полицейские.

– Двенадцать лет в этой пустыне.

– Значит, вы приехали, когда Нового Илморога еще не было...

2

Абдулла сидел на стуле у входа в свое жилище в той части Илморога, которая называлась Новый Иерусалим. Его левая рука была забинтована. В больнице его продержали недолго.

го. Намучившись ночью, он испытывал сейчас странное спокойствие. Правда, он и здесь, дома, старался понять, что же все-таки произошло, но тщетно. Может быть, поймет в дальнейшем, но сумеет ли он когда-нибудь объяснить, как осуществилось то, что было всего лишь желанием, намерением? И действительно ли он этого хотел? Он поднял голову: перед ним стоял полицейский.

– Абдулла?

– Он самый.

– Вам надлежит явиться в полицию.

– Сейчас?

– Да.

– Надолго?

– Не знаю. Вы должны дать показания, ответить на кое-какие вопросы.

– Ладно. Только отнесу домой стул.

Однако в участке его заперли в камеру. Абдулла стал возмущаться. Полицейский ударил его по лицу.

– Когда-нибудь наступит день... – пытался сказать Абдулла, ощущая внезапный прилив старого гнева и новой горечи.

3

В больницу, куда поместили Ванджу, пришел полицейский инспектор.

– Боюсь, вам нельзя ее видеть сейчас, – сказал врач. – Она

не в состоянии отвечать на вопросы. Она еще в беспамятстве и все время кричит: «Пожар... пожар... сестра матери моей... тетушка моя дорогая... погасите огонь, погасите!..» Ну и прочее – в таком же роде.

– Записывайте ее слова. Это может дать нам ключ, если только...

– Я не назвал бы ее состояние критическим. У нее сильный шок и бред. Дней через десять...

4

Карегас заснул быстро. Он поздно вернулся с заседания профсоюзного комитета пивоваренного завода «Илморогская Тенгета». В дверь постучали, он вскочил с постели. У двери стоял наряд вооруженной полиции. Офицер в форме цвета хаки вышел вперед.

– В чем дело?

– Вам надлежит явиться в полицию.

– Зачем?

– Для снятия свидетельских показаний.

– Нельзя ли подождать до завтра?

– Боюсь, что нет.

– Дайте мне переодеться.

Он вернулся в комнату и оделся. Прикинул, как дать знать остальным. Он слышал шестичасовой выпуск последних известий и знал, что забастовку запретили. Все же он надеялся,

что, несмотря на его арест, забастовка будет продолжаться.

Его втолкнули в «Лендровер» и увезли.

Акиньи, собираясь к заутрене в илморогскую церковь, случайно бросила в эту минуту взгляд на дом Кареги. Она делала это всегда чисто автоматически и не раз уже обещала себе отказаться от этой привычки. Она заметила отъезжающий «Лендровер», подбежала к дому – раньше она никогда там не бывала – и увидела на двери висячий замок.

Через несколько часов новость стала известна всем. Разгневанные рабочие собрались у полицейского участка и потребовали освободить Карегу. Начальник полиции обратился к ним с умиротворяющей речью, что бывало весьма редко.

– Я прошу вас мирно разойтись. Карега задержан, чтобы дать кое-какие показания. Это никак не связано с вашим вчерашним решением о забастовке. Речь идет об убийстве, совершенном в Илмороге.

– Это вы убиваете рабочих! – выкрикнул кто-то.

– Вы убиваете наше рабочее дело!..

– Да здравствует борьба рабочих!..

– Разойдитесь, пожалуйста, разойдитесь! – отчаянно взывал к толпе полицейский.

– Это вы убирайтесь! Вы и тираны из иностранных фирм, вместе с их местными подпевалами!..

– Долой господство иностранцев, опирающихся на черных компрадоров!.. Долой эксплуататоров!

Настроение разгневанной толпы становилось угрожаю-

щим. Начальник полиции вызвал своих помощников. Они позвали на помощь других – вооруженных винтовками – и оттеснили толпу к центру Илморога. Несколько рабочих получили серьезные ранения и были доставлены в больницу.

Рабочие начинали осознавать свою силу. Такого открытого неповиновения властям никогда раньше в Илмороге не наблюдалось.

5

Одна из газет – «Дейли маутпис» – подготовила специальный выпуск с аршинным заголовком: «МЗИГО, ЧУИ И КИ-МЕРИЯ УБИТЫ».

Дальше следовал текст:

«Некто (полагают, профсоюзный агитатор) был задержан после того, как видный промышленник и два деятеля просвещения – члены правления знаменитой компании «Тенгета лимитед» – погибли прошлой ночью во время пожара в Илмороге, через несколько часов после принятия решения о замораживании заработной платы.

Полагают, что их заманили в какой-то дом, где они пали жертвой наемных убийц.

Все трое – невосполнимая потеря для Илморога. Они превратили Илморог из крохотной деревушки, вызывавшей в памяти времена Крапфа и Ребмана, в современный промышленный город, которым смогут гордиться поколения,

появившиеся на свет после Гагарина и Армстронга... Киме-
рия и Чуи были видными деятелями и отцами-основателями
КОК – Культурной организации клятвоприношений...»

Глава вторая

1

Но все это случилось через двенадцать лет после того, как Годфри Мунира, поднимая за собой легкое облачко пыли, впервые проехал через Илморог на «железном коне» прямо к двери поросшего мхом двухкомнатного домика, находившегося там, где некогда был школьный двор. Он слез на землю и стоял неподвижно, подбоченившись правой рукой, а левой придерживая велосипед, и его воспаленные, с красноватыми прожилками глаза уставились на серый сухой лишайник, покрывавший стену, когда-то покрашенную белой краской. Затем он неторопливо прислонил велосипед к стене, наклонился, расправил закатанные брюки, отряхнул их обеими руками – жест чисто символический, поскольку пыль накрепко въелась и в брюки, и в башмаки, – отступил шага на два, чтобы окинуть взглядом дверь, покосившиеся стены и покособившуюся от жары жестяную крышу. Вдруг он решительно подошел к двери и взялся за ручку, слегка надавив на дверь правым плечом. Дверь с грохотом открылась, и он ввалился в помещение, полное дохлых пауков и мушиных трупов, запутавшихся в паутине, которая покрывала стены до самых карнизов.

«Еще один появился в деревню», – пробежала весть по Илморогу. Дети шпионили за ним, за его отчаянными усилиями вычистить домик, привести его в порядок, и сообщали о каждом его шаге старикам и старухам. «И этот исчезнет, как исчезает ветер, – говорили старики, – разве до него не приходили другие? Кто захочет жить в таком захолустье, кроме разве что калеки (да проглотит дьявол Абдуллу!) или человека с иссохшей плотью (да благословит Господь старуху Ньякиню!)».

Школа представляла собой четырехкомнатный барак с проломленными глиняными стенами, дырявой жестяной крышей и еще большим, чем в домике учителя, количеством паутины и мушиных трупов. Стоило ли удивляться, что учителя удирают, едва взглянув на эту школу? Да к тому же ученики, большей частью дети скотоводов, никогда не могли дотянуть до конца учебного года и уходили с родителями на поиски новых пастбищ и воды для скота.

Но Мунира остался, и через месяц все мы перешептывались: «Совсем не старый, уж не тронутый ли он? А может, он носитель зла?» Эта мысль у нас возникла, когда он стал давать уроки под кустом акации, неподалеку от того места, где, по слухам, находилась могила легендарного Ндеми, дух которого витал над Илморогом, пока не пришли империалисты и не спутали весь порядок жизни. «Учитель насмехается над Ндеми», – сказал Мвати Ва Муго, который правил в горах и на равнине, и приказал припугнуть его. Ночью, под по-

кровом темноты, одна старуха навалила кучу между кустом акации и школой. Утром дети обнаружили еще не засохшую кучу и побежали к родителям, чтобы рассказать нечто очень смешное о новом учителе. Целую неделю Мунира гонял своего «железного коня» по горам и равнинам, преследуя разбежавшихся учеников. Одного ему удалось поймать. Он соскочил с велосипеда, бросил его в траву и погнался за мальчишкой.

– Как тебя зовут? – спросил он, схватив беглеца за плечо.

– Муриуки.

– Чей ты сын?

– Вамбуи.

– Это твоя мать?

– Да.

– А где твой отец?

– Он работает далеко отсюда.

– Скажи, почему ты не хочешь учиться?

Мальчик чертил что-то на земле большим пальцем ноги, отвернувшись, чтобы не прыснуть учителю в лицо.

– Откуда я знаю, – выдавил он из себя, притворяясь, что вот-вот заплачет. Мунира отпустил его, взяв обещание вернуться в школу и привести с собой остальных. Вернулись они с опаской – по-прежнему считали, что учитель какой-то странный, – и занимались на сей раз в помещении.

Она ждала Муниру за живой изгородью из кустов кейских яблонь. Он слез с велосипеда и посторонился, полагая, что

она просто хочет пройти мимо. Но она по-прежнему стояла посередине узкой тропы, опираясь на суковатую палку.

– Там, откуда ты пришел, мощеные дороги?

– Да.

– И свет идет из проводов на высохших деревьях и превращает ночь в день?

– Да.

– И женщины на высоких каблуках?

– Да.

– А волосы у них смазаны жиром и пахнут паленой шкурой?

– Да.

Он смотрел на ее изборожденное морщинами лицо со сверкающими глазами. Смотрел мимо нее, смотрел на опустевшую школу. Был уже пятый час, и он терялся в догадках: что ей нужно?

– Они красивы и умны, по меркам белого человека, так ведь?

– Вот именно. Иногда слишком умны.

– Наши юноши и девушки покинули нас. Их поманил блестящий металл. Они уходят, а возвращаются по временам только молодые женщины, чтобы подкинуть своих новорожденных бабушкам, состарившимся на этой земле, которую они всю жизнь ковыряли ради скудного пропитания. Они говорят: в городе есть место только для одиноких... наши наниматели не желают, чтобы дети копошились там, в кро-

хотных клетушках и крошечных двориках. Ты когда-нибудь слышал об этом? О детях, которые никому не нужны? А юноши? Многие из них уходят и больше уж не возвращаются. Иные время от времени заявляются повидать жен, которых они здесь оставили, округлить их животы, и тотчас опять уходят, точно их гонят из Илморога Ухере или Мутунгу. Как нам их называть? Новые жертвы Ухере и Мутунгу! Разве не те же самые кожные болезни и чума в давние времена ослабили наш народ перед вторжением Мзунгу? Скажи: что привело тебя в этот богом забытый уголок? Посмотри на Абдуллу. Он пришел издалека, и что же у него было с собой? Осел. Вы только подумайте, осел! Разве можно что-то вывезти из нашей деревни? Может быть, наших последних детей?

Он задумался над ее словами. Сорвал перезрелое желтое кейское яблочко и раздавил между пальцами. Да существует ли где-нибудь укромное место, где можно спрятаться и спокойно трудиться, сеять семена, надеясь увидеть плоды? Кисловатый запах подгнившего кейского яблочка ударил ему в ноздри. Он вдруг почувствовал тошноту. «Боже, избавь нас от нашего прошлого», – подумал он и торопливо полез в карман за носовым платком. Но было поздно. Он чихнул, и брызги попали прямо в морщинистое лицо старухи.

– Ой! – завопила она и в ужасе побежала от него. Он отвернулся, потому что никак не мог перестать чихать, а когда секундой позже посмотрел на тропу – старухи и след простыл. Точно сквозь землю провалилась.

– Странно все это, – пробормотал он себе под нос. Уселся на велосипед и медленно покатыл к лавке Абдуллы.

Абдулла тоже был новеньким в Илморог. Вместе с крохотным и тощим Иосифом он появился здесь в запряженной ослом тележке, набитой домашней утварью, дешевой посудой и одеялами, упакованными в тугие тюки из рваной сизалевой мешковины и грязной парусины. «Ну и годик выдался! – саркастически воскликнул Нжогу, увидев эту троицу и выслушав от них совсем уж странную просьбу: ну как кому-то могло прийти в голову возродить в этом пустынном месте старую лавку с глинобитными стенами, принадлежавшую некогда Дхармашаху, о котором в Илморог сложено столько легенд! – Можете забирать эту развалину, а заодно и здешние привидения, и воспоминания, и проклятия, и все остальное», – сказал старый Нжогу, показывая пальцем на дом с покосившимися стенами и накренившейся крышей, почти уже неразличимый среди сухих зарослей на красной земле. Мы частенько заходили в лавчонку Абдуллы и с любопытством разглядывали его искалеченную ногу и страдальческое лицо и слушали, как он обрушивает на Иосифа поток ругательств. Но вскоре мы обрадовались, что наконец-то у нас будет где приобрести соль и перец. Правда, нас беспокоил осел, потому что он ел слишком много травы и пил слишком много воды. А еще через месяц в дополнение к перцу, соли и муке Абдулла стал приторговывать спиртным. По пятницам и субботам скотоводы с илморогских равнин

приходили в лавку, пили, говорили и пели о своих коровах и козах. Время от времени, когда им случалось продать коз на рынке в Руваини, у них появлялись деньги; девать их все равно было некуда, и они притаскивали их Абдулле в маленьких жестянках, привязанных к шее и запрятанных в их красных одеждах. И снова исчезали на несколько дней или недель, чтобы потом снова ввалиться в лавчонку Абдуллы.

Мунира вошел через заднюю дверь и уселся на край скрипучей лавки.

– Странно, – в который раз пробормотал он себе под нос, вспоминая встречу со старухой, пока Иосиф нес ему пиво «Таскер».

Едва он отпил несколько глотков, за стол рядом с ним уселись трое еще крепких, хотя и пожилых людей. Мутури, Нжугуна и Руоро были зажиточные крестьяне, а потому считались мудрецами, атамаки², всей крестьянской общины. Они разрешали споры не только между разными семьями, но и между общиной и скотоводами с равнин. В случае более серьезных конфликтов или иных проблем люди обращались к прорицателю, Мвати Ва Муго.

Вновь прибывшие поздоровались с Мунирой и заговорили о погоде.

– Там, откуда ты пришел, так же сухо, как у нас?

² Атамаки – (athamaki) – в обществе кикуйю до колониального периода так называли влиятельного человека, который играл роль посредника и первого среди равных.

– Там в январе всегда жарко...

– Сезон гитемиту всюду одинаков, конечно.

– Вы его так называете?

– Ребятишки говорят... У тебя в голове слишком много разных заграничных слов. А там, в твоих родных местах, собрали хороший урожай? Здесь-то никудышный, и мы даже не знаем, хватит ли нам маиса и бобов до конца дождей. Если они, конечно, будут, эти дожди...

– Я вообще-то не крестьянин, – поспешил объяснить Мунира: он чувствовал себя профаном, когда речь заходила о засухе, сезонах дождя и сбора урожая.

– Это мы знаем... Руки человека можно читать, как книгу. Когда к нам приезжает новый человек, мы с первого взгляда видим, откуда он. Если из города, то его руки не знали земли, точно он ни на минуту не снимал перчаток.

Нжугуна всегда мечтал о том дне, когда он сам натянет перчатки на свои пальцы, тем самым как бы прощаясь со всей своей прежней жизнью, в которой его руки не расставались с землей. Он будет тогда подобен крупным землевладельцам в пору его юности. В некоторых богатых семьях тогда было столько коров и коз, что люди уже не работали сами, а нанимали арендаторов. Те надеялись, конечно, получить в качестве платы козу и завести свое хозяйство на общественных землях или пастбищах, тогда еще остававшихся свободными. А в других больших семьях (или родах) имелось достаточно работников – сыновья и их жены или дочери, ко-

которые умножали богатство семьи. Но удача обошла Нжугуну стороной. Его земля родила плохо, а свободных участков, которые можно было занять до прихода колонизаторов, теперь не стало. Сыновья его ушли на фермы, принадлежащие европейцам, или в большие города. Дочерей у него не было, да и какой от них теперь толк? У старого Нжогу, к примеру, несколько дочек, но не коз они принесли отцу, а одни огорчения. Вот и пришлось Нжугуне, так же как и остальным крестьянам, живущим в раскиданных вокруг Илморога хижинах, довольствоваться крохотным полем и примитивными орудиями, которыми пользовалась его небольшая семья. Но надежда не покидала его.

– В прошлый сезон выпало совсем мало дождей, – объяснял Мутури. – Сейчас мы следим за солнцем, прислушиваемся к ветру и наблюдаем за полетом птиц в небе, и нам страшно, что дожди снова могут не прийти. Конечно, еще две луны осталось до сезона дождей... но птицы, они внушают нам страх.

Сельское хозяйство никогда не интересовало Муниру. Но эти разговоры – о засухе и дождях – он слышал с самого детства. Крестьяне всегда говорят о грозящей им засухе, словно надеются, что опасения, высказанные вслух, помогут отогнать беду.

– Я уверен, дожди будут, – сказал он, просто желая показать, что принимает близко к сердцу их заботы. Он хотел перевести разговор на другую тему, и, точно почувствовав это,

Абдулла пришел ему на помощь:

– Ты думаешь справиться в школе в одиночку?

– Я надеюсь, что, как только начнутся занятия в первом и втором классах начальной школы, я смогу найти еще учителей.

– Сразу в первом и втором?

– Второй класс в первую смену, первый – во вторую, – ответил Мунира.

– Ты, должно быть, очень предан своему делу, – сказал Абдулла, и Мунира так и не понял, что стоит за этими словами – одобрение или насмешка. Но он ответил со всей серьезностью:

– Некоторые из нас, из тех, кто получил образование... мы как бы находились в стороне, пока народ, простые люди сражались за свободу. Выпали, так сказать, из хора. Но теперь, когда независимость завоевана, нам предоставляется возможность вернуть свой долг... показать, что мы не всегда остаемся сторонними наблюдателями... Вот почему... одним словом, я... попросил, чтобы меня назначили в Ил-морог.

– А мне вот кажется, – сказал Абдулла, – что многие уже начали думать только о собственном желудке. – И снова Мунире стало как-то не по себе от его слов. Как будто Абдулла поставил под сомнение или отверг его несколько миссионерский пыл и стремления.

– Я за всех не говорю, но, похоже, энтузиазм еще не иссяк

и вера еще жива, так что все мы можем кое-что сделать для того, чтобы независимость не осталась пустым звуком.

– Вот это речь! – восхищенно сказал Мутури. – Вот как надо говорить.

Мунира ухватился за этот подвернувшийся ему случай поговорить о школьных перспективах, попросить содействия стариков. Он успел заметить, что его слова произвели на них впечатление. Позже, когда стемнело, старики поплелись к себе, но сперва свернули к дому Ньякиньи. Тяжело опираясь на палки, моргая слезящимися глазами и шамкая, они говорили тем, кто собрался у Ньякиньи: «С этим человеком все в порядке, – и понимающе смотрели друг на друга. – Человек что надо».

Так Мунира стал одним из нас. Дети в школе громко пели песни-считалки, а думали о блохах, которые кусали их за ноги, и остервенело елозили пятками по полу. Многие удирали из школы, чтобы подудеть на пастбище в настоящую пастушескую дудочку или просто ползать по деревьям миарики³, что росли в полях. Другие, проболтавшись с неделю без дела, тоже ушли со скотоводами на пастбище. «Но ведь сейчас все же шестидесятые годы двадцатого столетия, а не девятнадцатого», – обескураженно размышлял Мунира.

И он снова принялся носиться по горам, изловил нескольких своих учеников и попросил их передать другим, что

³ Миарика – местное название клещевины. Клещевина – вечнозеленый кустарник или небольшое дерево высотой до 10 метров. – *Примеч. ред.*

он созывает школьное собрание. На собрание явилось всего пять учеников. Он обратился к ним, стоя на куче глины, служившей ему импровизированной трибуной: «Слушайте меня внимательно. Вы проявили немалое усердие и доказали свою добросовестность, явившись на собрание. Поэтому я перевожу вас всех в первый класс английской начальной школы. Но вам придется поискать себе учителя, который согласился бы терпеть подобную враждебность со стороны людей, противящихся свету и прогрессу». Затем он объявил первое школьное собрание закрытым и мысленно поклялся, что никогда больше ноги его не будет в этом богом забытом месте. Вот так, неудачей и поражением, закончилась его первая попытка не выпасть из хора и тянуть песню со всеми вместе.

И снова, прищипывая «железного коня» и поднимая облака пыли, мчался Мунира через деревню, чувствуя на себе насмешливые взгляды жителей, свидетелей его бегства, из-за каждой ограды. Старуха Ньякинья вышла на пыльную дорогу и что-то кричала ему вслед. А потом в поле женщины спели ему полную издевки песню про другого, жившего в давние времена беглеца: «Вот они, сыновья Мунору, но где же теперь стада Ндеми?»

Но ему было уже все равно. Целый месяц они над ним глумились. И даже Абдулла, чья лавка стала его ежедневным прибежищем, не пришел ему на помощь. «Они относятся с подозрением к чужеземцам и вообще ко всему чужому. Сна-

чала они невзлюбили моего осла. Да они и до сих пор терпеть его не могут. Ты спросишь: почему? Представь себе, из-за травы». Он прерывал свою речь на минутку, чтобы обрушить поток брани на Иосифа, а затем, наклонившись к Мунире, продолжал заговорщическим шепотом: «Мвалиму⁴, это верно, что какая-то старуха наложила у тебя во дворе кучу? Вот безобразие! Ха-ха-ха! Иосиф, принеси мвалиму еще пива. Так, значит, правда?» И хромой продолжал хохотать, а Мунира не знал, куда деваться от стыда.

Этот хохот, прочие воспоминания да и сама дорога отнюдь не способствовали хорошему настроению Муниры, когда он ехал в Руваини, столицу округа Чири. «Проклятая дорога! – злился он, пересекая разбитые колеи, подсакивая на колдобинах и проваливаясь в ямы. – Такая же предательская, как все эти колдуньи, вещуньи, выродки и инвалиды».

Когда-то это была железнодорожная колея, соединявшая Илморог с Руваини, по которой из илморогских лесов везли бревна, уголь и луб, чтобы насытить машины и жителей Руваини. Железная дорога сожрала лес, и рельсы, выполнив свое назначение, исчезли; так появилась дорога, вернее подобие дороги, и ничто больше не напоминало о ее былой хищнической славе.

Он с облегчением вздохнул, достигнув наконец мощеного участка дороги, который извивался среди кофейных плантаций, некогда принадлежавших белым. Но и здесь ему не

⁴ Учитель (*суахили*).

было отдыха. То и дело приходилось нырять в кусты, чтобы увернуться от мчащегося навстречу грузовика, а водители гоготали и делали непристойные жесты.

Впереди показались дома Руваини, и тут он вспомнил, что так и не успел решить, чем теперь будет заниматься. Он вспомнил, почему выбрал именно Илморог, вспомнил, с какой горячностью отстаивал свой выбор, и гнев, кипевший в нем, тотчас сменился страхом перед возвращением в Лимуру, где ему пришлось бы жить в отсвете преуспевания своего папаша, отчего его собственный провал был бы настолько очевидным, что осталось бы только признать свое поражение.

При одной мысли об этом он остановился, слез с велосипеда, облокотился о него и принялся рассматривать открывшийся перед его глазами вид. За забором на целую милю протянулся аккуратно подстриженный газон – площадка для гольфа. Трое африканцев дружно смеялись над четвертым, с сильно выпирающим брюшком, который беспомощно размахивал клюшкой, никак не попадая по мячу. Подающие мячи мальчишки в рваной одежде стояли на почтительном расстоянии, увешанные сумками с запасными клюшками и белоснежными мячами. «Вот это да!» – удивился Мунира, быстро вскочил в седло и покатил к центру города.

Контора Мзиги сверкала безукоризненной чистотой. Он увидел тележку для входящей почты, тележку для исходящей почты, еще одну для прочей почты и бесчисленные ка-

рандаши и ручки вокруг трех громаднейших чернильниц. На стене висела карта округа Чири, где цветными булавками было отмечено местоположение школ.

– Как дела в школе? – осведомился Мзиго и, слегка раскисаясь на вращающемся стуле, бросил взгляд на утыканную булавками карту.

– Вы направили меня в пустую школу. В школу без учителей.

– Мне показалось, что вы ищете место тихое и в то же время такое, где вы могли бы проявить свои способности.

– Это школа без учеников.

– Право же, не понимаю, что творится в этой школе. Никто из учителей не хочет там работать. Год-другой, и все бегут. Подыщите себе помощника, пусть даже человек будет без диплома, и мы, разумеется, примем его на службу.

– Но...

– Я скоро сам туда наведу – буду неподалеку. Дороги у вас хорошие? Знаете, эти проклятые машины – сущее наказание, вот уж воистину бремя черного человека, поверьте мне, господин э... Мунира, с велосипедом куда проще.

Он смотрел на Муниру, сложив губы в ироническую ухмылку, точно говоря: раньше надо было соображать, теперь удирать поздно. Но, думал Мунира, как это Мзиго проник в его мысли? И, вдруг вспомнив водителей грузовиков, которые на дороге загоняли его вместе с велосипедом в кустарник, он оценил остроумие Мзиго, отпустившего снисходи-

тельный комплимент по адресу его велосипеда. Возмущение, кипевшее в груди, утихло, и он захохотал. Он хохотал до боли в животе, и вдруг ему стало хорошо, легко.

– Вы мне не верите? – спросил Мзиго.

А Мунира подумал о хромом Абдулле, о старухе Ньякинье, о детях, которые предпочитали не ходить в школу, а пасти вместо этого скот или лазать по деревьям миарики. Он сравнил их прямоу с кичливостью своего собеседника, огонек любопытства в их глазах – с выражением страха на лицах тех, кто восседает на задних сиденьях роскошных «мерседесов», прячется за стенами особняков и частных клубов, открытых некогда только для европейцев, их искренность – со злобой и расчетливостью тех, кто, выпятив живот, прогуливался по площадке для гольфа, обсуждая как бы между прочим всевозможные сделки, и, вспомнив слова Абдуллы, почувствовал, что он уже соскучился по Илморугу.

Может быть, он не понимает Ньякиню, Абдуллу, Нжогу, Нжугуну, Руоро и всех остальных, думал он теперь. Он так и не подал заявления об отставке или переводе в другое место. Мунира уехал, захватив с собой мел, учебники, писчую бумагу.

– Господин Мзиго, вы говорили серьезно... что я могу подыскать себе в помощь учителя без диплома?

– Да, господин Мунира, если, конечно, вы сперва представите его мне для формального утверждения. Я хочу, чтобы эта школа крепко стала на ноги. Я бы хотел, чтобы со време-

нем в ней шли занятия во всех классах.

* * *

Ночевал он в городской гостинице. На следующее утро он был уже в другом округе, Киамбу. Прежде чем вернуться в Илморог, он хотел провести денек-другой в своем доме в Лимуру.

До этих пор почти вся его жизнь прошла в Лимуру. Окончив в 1948 году Сириана-колледж, он преподавал во многих школах неподалеку от Лимуру: в Рирони, Камандура, Тиекуну, Гатарамни и под конец – почти шесть лет – в Мангуо. Воспоминания о прошлом заставили его сердце учащенно забиться. Правда, ему до сих пор было больно при мысли, что в выборе места для дома и его устройстве он все еще зависел от отца. Ему всегда хотелось жить самостоятельно, но он так и не смог оторваться от отцовской собственности, впрочем так и не связав себя с ней окончательно. Другое дело – его братья, преуспевшие куда больше, чем он. Все они младше него; следующий за ним по старшинству ездил даже в Англию, после чего сделал отличную карьеру в банковском деле. Другой только что окончил Макерере-колледж в Уганде и работал в отделе рекламы нефтяной компании. Третий еще учился в Макерере на медицинском факультете. Две сестры уже окончили школу; одна училась в Англии на медсестру, другая завершила дипломную работу в Год-

дарт-колледже в штате Вермонт, США, на тему «Управление производством». Еще одна сестра, Муками, недавно умерла, и он до сих пор глубоко переживал эту потерю: хотя она была намного младше, ему всегда казалось, что она сочувствовала ему и никогда не считала его неудачником. Она была девушкой живого, бунтарского нрава; раза два, еще в детстве, ее даже выпороли за то, что она таскала вместе с детьми арендаторов груши и сливы с отцовской плантации. Приезжая на каникулы, она, в то время уже студентка Кептской высшей школы, очень часто присоединялась к поденщикам, собиравшим цветы пиретрума. Мать недовольно отчитывала ее: «Им за их работу платят!» Муками покончила с собой – бросилась с обрыва в каменоломне вблизи болот Мангуо – и сказала этим решительное «нет» миру, жизнь в котором была для нее тяжелой мукой.

Эзекиель, его отец, высокий суровый мужчина, исполненный холодного равнодушия к людям, был богатый землевладелец и старейшина пресвитерианской церкви. Его суровость и строгость были под стать его святости. Он считал, что детей надо кормить вареной кукурузой и бобами и пить чаем, в который надлежит добавлять несколько капель молока и ни в коем случае не класть сахару, обязательно сопровождая трапезу словом Божиим и молитвой. Несмотря на скудную кормежку, рабочие, которых он нанимал, трудились на его полях честно и были ему верны. Двое из них работали у отца с тех пор, как Мунира себя помнил, – и по-

прежнему были босы, ходили в залатанных штанах. За многие годы к нему нанималось множество народу – иные приходили даже издалека: из Гаки, Метуми, Гуссиленда – обрабатывать его поля, круглый год собирать цветы пиретрума и высушивать их, в декабре снимать спелые красные груши, укладывать их в ящики, а затем отправлять в магазины индийских торговцев. Всех их объединяла общая черта: набожность. Они называли хозяина «брат Эзекиель», «наш брат во Христе» и после работы собирались во дворе, вознося молитвы. У иных, правда, был непокорный нрав, который побуждал их требовать увеличения заработной платы и устраивать на ферме беспорядки; таких прогоняли. Один из них попытался вовлечь своих товарищей в профсоюз рабочих плантаций, который был организован на фермах европейцев. Его также тотчас уволили и даже проклинали во время богослужения, представив как образец «последних испытаний и искушений, выпавших на долю брата Эзекиеля». Но Мунира, еще мальчиком, обнаружил, что вне пределов отцовского дома, в своих собственных жилищах, расположенных на плантации, рабочие хотя и возносили хвалу Господу, но выражались куда менее высокопарно, держались более свободно и, похоже, восхваляли Господа и пели псалмы с большей искренностью и набожностью. Ему внушала некоторый страх их твердая вера в наступление Царствия Божия в буквальном смысле слова. Именно во время одного из таких богослужений, когда приехал на каникулы из Сирианы,

он ощутил легкий трепет в сердце, осознал огромность греха, который недавно совершил, — его первого грехопадения в Камирито с Аминой, женщиной недостойной. Он ощутил потребность исповедаться, испросить у Господа прощения, но, уже готовый покаяться вслух, подумал, что его раскаянию не поверят, — да и какие, в самом деле, он найдет слова? Вместо этого он вернулся домой, убежденный, что он достаточно раскрылся перед Господом в мыслях, и решил расплатиться за свой грех. Он украл коробок спичек, собрал пучок травы и сухого коровьего навоза, соорудил из них некое подобие дома Амины в Камирито, где он согрешил против Господа, и поджег его. Глядя на пламя, он чувствовал истинное очищение огнем. Он отправился спать с легким сердцем, умиротворенный мыслью, что Бог принял его раскаяние. Однако ночью тлеющий навоз вспыхнул от ветра, и пламя наверняка уничтожило бы сарай, если бы его не заметили вовремя. Утром он услышал, как толковали о происшествии, полагая, что это дело рук завистливых соседей, и решил смолчать. Но он чувствовал нутром: отец знает, в чем дело, — и ощущение вины стало еще тяжелее.

Одну из женщин Мунира вспоминал особенно часто; она никогда не ходила в церковь — и все же выделялась среди всех остальных набожностью и искренностью, находя отраду в уединении своей хижины, окруженной пятью кипарисами. Эта хижина стояла точно на половине дороги между домом его отца и жилищами рабочих. Сын старой Мариаму

был товарищем детских игр Муниры до его отъезда в Сириану. И даже после возвращения из Сирианы они продолжали водить знакомство – не очень, правда, тесное, но все же достаточное для того, чтобы Мунира примерно в 1953 году воспринял как удар известие о том, что сын старой Мариаму был схвачен, когда передавал оружие «мау-мау», и вскоре после этого повешен. Но женщину эту он помнил главным образом потому, что она протестовала против низкой платы за работу или несвоевременной ее выдачи, в то время как другим это и в голову не могло прийти: добропорядочность хозяина никогда не ставилась ими под сомнение. К Эзекиелю она относилась с уважением, но без страха. Он же никогда ее не осуждал и с работы не прогнал. Мунира слышал однажды, как ее имя упоминалось в какой-то связи с тем, что отец лишился правого уха – его отрезали партизаны «мау-мау», – а позже и в связи с самоубийством Муками. Но сам он никогда не забывал, как они пекли в хижине Мариаму на углях картофель и запивали его чаем.

Сейчас он стоял у кипарисов, возле которых была когда-то хижина Мариаму, пока эту женщину вместе с другими рабочими не переселили в резервацию – новую деревню Камирито. Что с нею стало? Теперь ему казалось странным, что в своем самоизгнании, переживая свой провал в Сириане, он потерял не только всякий контакт с жизнью Лимуру, но и всякий интерес к ней: он был ее частью и в то же время был ей чужим... вся жизнь его после Сирианы казалась нереаль-

ной, расплывчато-туманной. Словно произошел некий разрыв времен в его жизни и его воспоминаниях. Похоже, что решение уехать в Илморог было первым осознанным действием, с помощью которого он хотел избавиться от этого ощущения нереальности.

Он играл со своими двумя детьми, время от времени задавая себе вопрос, каков он в их представлении. Столь же суров и надменно равнодушен, как его отец? Он рассказывал им об Илмороге, о мухах, облеплявших глаза и носы крестьянских детей, пока жена не воскликнула: «Ну как ты можешь?..» Он рассказывал, как в Илмороге однажды обосновался одноглазый Мариму, о загадочных старухах, позволяющих себе всякие непотребства, об угрюмых калеках, извергающих потоки брани, пока жена снова не крикнула ему: «Ну как ты можешь?..» – и снова не закончила фразы. Не больно-то ему удалось развлечь детей, и он ощущал насмешку в их неулыбчивых лицах. «Ну что ж, я почитаю вам что-нибудь из Библии, – сказал он им, и лицо жены просияло от удовольствия. – И Иисус сказал им: идите в селения и глухие места земли и зажгите мой светильник, горящий святым духом. Да будет так. Аминь».

Когда дети отправились спать, жена подняла на него глаза, суровые и осуждающие. Она была бы красивой, если бы чересчур праведная жизнь, неустанное чтение Библии и ежедневные молитвы не иссушили в ней чувственность, оставив лишь холодный накал духа.

– Стыдно богохульствовать при детях. Тебе следовало бы помнить, что этот мир не для нас, а наш долг – готовить их и нас самих к другому миру.

– О, не волнуйся. Сам я никогда не принадлежал ни этому миру, ни Лимуру... разве что теперь принадлежу Илморугу... Как бы для разнообразия.

* * *

И снова Мунира помчался на своем «железном коне» в Илморог, и на сей раз люди выходили на улицу, радуясь его приезду. Старуха пришла в школу и сказала: «Ты и впрямь вернулся, да благословит тебя Бог», – и в знак благословения смочила слюной ладони. Его это слегка покорило, но все же он остался доволен, что Ньякинья больше не держится враждебно.

Он возобновил занятия, испытывая подъем от того, что они его приняли. Молчание внимательно слушающих детей – тех, что пришли в школу, – волновало его. Казалось, будто весь Илморог прислушивается к его голосу.

Так он стал неотъемлемой частью повседневной жизни Илмороба, рыцарем – хранителем знаний – для учеников; только можно ли было назвать их настоящими учениками? Второй класс – он называл его «второй класс начальной английской школы» – занимался по утрам, первый – во вторую смену. Дети приходили и уходили когда хотели, и он со спо-

койным сочувствием и добродушным безразличием воспринимал этот беспорядок, эти причуды и даже нудные разговоры о засухе. С него было достаточно, что для стариков и старух он был учителем их детей, человеком, в чьей голове сосредоточена мудрость нынешнего времени. Они оценили, что он, человек из другого мира, решил остаться с ними. Они видели в его глазах эту готовность остаться: в них не было и тени нетерпеливости, желания сбежать, которое светилось в глазах других, тех, что по малейшему поводу сразу же уезжали, чтоб не вернуться больше. Мунира остался с ними. Они следили с беспокойством, как в конце каждого месяца он собирался за жалованьем в Руваини, но каждый раз он возвращался, и они говорили между собой: «Этот останется». Они стали приносить ему яйца, иногда цыплят, и он принимал эти знаки внимания с благодарностью. Он ходил по горному кряжу, бродил по бесчисленным тропинкам – люди почтиительно уступали ему дорогу, и он отвечал на их почтительность кивком головы или улыбкой. Ему нравилось ходить на рынок, который скорее напоминал сборища друзей, чем то место, где люди обмениваются товарами и торгуются. Они встречались на горном кряже вечером, перед заходом солнца, как только возникала в чем-нибудь нужда: жители равнины приносили молоко, вышивки бисером, иногда шкуры, выменивали это на нюхательный табак, бобы, маис. Здесь вполне можно было обойтись без денег, они нужны были лишь в лавке Абдуллы или в Руваини. Деньги, или еда, или что-

нибудь из одежды – все годилось для обмена. Деньги берегли и для других необходимых вещей. Однажды он увидел, как кто-то продавал несколько стрел и ножей, и с удивлением узнал, что это работа Мутури. «Он их может делать только в доме Мвати, – объяснила Ньякинья, – ибо, когда куешь и гнешь железо с помощью мехов и молота, нужно защититься от дурного и завистливого глаза». Постепенно он узнал, что Мвати Ва Муго обладает духовной властью над илморогским краем и илморогскими равнинами и каким-то невидимым образом направляет жизнь людей. Это он выбирает самый благоприятный день для сева, советует кочевникам, когда им сниматься с места в поисках новых пастбищ. Мунира никогда его не видел: его никто не смел видеть, не достигнув определенного возраста. Но зато ему показали землю Мвати, окруженную со всех сторон тхабаи⁵, и он был благодарен за это, так как впредь он мог обходить стороной эту землю. Что касается всего остального, он чувствовал себя спокойно: его любят, чтут, превозносят, и при этом ему нет нужды слишком глубоко вникать в чужие жизни – что добром никогда не кончается, – и этот покой казался ему несколько запоздалым божественным даром. Он старался забыть свои страхи, свою вину, те годы, когда его душа пребывала в оцепенении, гнал от себя прочь неприятные воспоминания об отце, о жене, детстве и юности и отхлебывал глоток-другой спиртного. Особенно нравилось ему пропустить стаканчик,

⁵ Колючий кустарник (*суахили*).

когда в лавку Абдуллы заглядывали кочевники с равнины. Они оставляли перед входом свои копья, а сами пили, толковали о коровах и отпускали шуточки по поводу тех, кто, как кроты, всю жизнь ковыряет землю. Илморогские крестьяне, хотя их и тревожило то, что дожди в этом году запаздывают, тут же вступались за свой род занятий. Между хлебопашцами и скотоводами вспыхивали горячие споры: что важнее – скот или зерно? Скот – это богатство, единственное богатство. Разве каждый настоящий мужчина, особенно до прихода белого человека, не стремился к тому, чтобы обзавестись коровами и козами? Человек, у которого нет козы, работает в поле – засеивает его то сладким картофелем, то виноградом, то просом и ямсом, то сахарным тростником или бананами. И старается в конце концов сбыть все это за одну козу, даже за козленка. И разве люди не нанимались издавна в работники к другим в надежде когда-нибудь обзавестись козой? За коз люди продавали своих дочерей – за коз, не за зерно; кузнецы, гончары, корзинщики, мастера, изготавливающие чудесные безделушки, охотно меняли свои изделия на живую скотину. А ради чего целые народы поднимаются на войну, как не для защиты именно этого достояния? Но другие возражали: козы – это не богатство. Коль скоро богатство измеряется коровами и козами, это вовсе не богатство. Богатство – земля и урожай, выращенный руками человека. Известна ведь пословица, что богатство – это пот на спине труженика. Посмотрите на белых: сперва они забрали нашу землю,

потом — нашу молодежь и лишь потом — коров и овец. Нет-нет, возражали их противники, белый человек сначала отнял нашу землю, затем — коров и коз, называя это то налогом с каждой хижины, то контрибуцией после каждой вооруженной стычки, и только потом забрал нашу молодежь — работать на земле. Четкие позиции в этих спорах не всегда можно было разглядеть, поскольку некоторые владели и землей, и скотиной. Эти уверяли, что важно и то и другое: человек за девушку платит козами, верно, но он ищет такую, которая не боится работы в поле. А почему богатые люди держали арендаторов и батраков? Чтобы не только за коровами и козами присматривать, но и за посевом. А почему колонизатор и его полицейский забирали молодых людей? Обрабатывать его поля, а также смотреть за коровами. Ох уж и хитры эти приезжие из Европы: забрали всю их землю, их пот и их богатства и объявили, что истинное богатство — это привезенные ими монеты, которые не годятся в пищу! И споры эти были бесконечны. Мунира не принимал в них участия, он чувствовал себя чужим, когда речь шла о тяге к земле и к тому, что спорщики называли живым богатством. От разговоров о колониализме ему становилось не по себе. Он сразу начинал сознавать, что никогда не способствовал никаким свершениям и что ему суждено скитаться по этому миру и всюду ощущать себя чужаком. И откуда только в нем эта готовность принимать как должное незаслуженное уважение, откуда эта тайная радость от иллюзии, будто он такой же, как

эти люди?

Он пытался перевести разговор на другую тему. Кто член парламента от их округа? Никто не помнил его имени. Да, они слышали о нем во время прошлых выборов. Он приезжал в эти места и просил за него голосовать. Наобещал чего-то. Даже собрал в своем избирательном округе по два шиллинга с каждого дома на осуществление каких-то проектов и на развитие скотоводческих ферм. Но с тех пор они его едва ли видели. Ндери Ва Риера – вот как его зовут, вспомнил кто-то. А что вообще такое член парламента – новая разновидность правительственного чиновника? Тогда зачем ему наши голоса? И от таких разговоров Мунире становилось беспокойно. Он задавал новые вопросы, стараясь так направить разговор, чтобы ему не пришлось занимать определенную политическую позицию. Приезжали ли к ним люди со стороны? Да, учителя к ним приезжали. Но они сбегали – в города, конечно. Это еще до объявления независимости. Те, что приезжали позже, тоже не оставались с ними. Да еще после уборки урожая приезжают на грузовиках какие-то торговцы и скупают часть урожая. А иногда в начале года приезжают шеф, сборщик налогов и полицейский, запугивают людей, заставляют их платить налоги. Вот так деньги, полученные от скупщиков урожая, переходят в руки сборщика налогов. Но тут нет ничего нового. Так было всегда, много-много лет подряд, и удручает их лишь то, что молодежь стремится сбежать подальше от земли. Началось это после

второй Большой войны... нет, еще раньше... Но хуже стало после войны «мау-мау»... нет, это случилось из-за железной дороги... да, ну ладно... так было всегда с тех пор, как к ним нагрянули европейские колонисты, эти духи из иного мира. Теперь же им, илморогцам, надо как-то изловчиться, чтобы не платить налогов... «Политика! Можно ли от нее спрятаться?» – с раздражением думал Мунира.

У него сложился раз и навсегда установленный порядок жизни: весь день занятия в школе, вечером – прогулка на горный кряж и посещение Абдуллы. В конце концов даже Абдулла стал считать его своим и, едва завидев издали Муниру, обрушивался с бранью на Иосифа, чтобы тот не мешкая нес стул для мвалиму. Правда, его разговоры, в которых он колебался от дружеского ворчания до шутливого осуждения, неприятной тяжестью отдавались в желудке Муниры, когда он потягивал пиво в этом приюте успокоительных мечтаний. Но иной раз на Абдуллу нападало мрачнейшее настроение, и он принимался напоминать учителю, как его приняли в Илморге. Абдулла наклонялся к нему поближе и заговорщицким шепотом вещал:

– Знаешь, эти люди такие подозрительные. Ты видел, с каким беспокойством на лицах поднимают они глаза к небу? Могу побожиться, если дождей не будет, они объявят виновником моего осла. Пойдут даже к дому Мвати и станут спрашивать его про осла. Ты уже слышал про этого местного святого? О, это святой с репутацией. С хорошей репутаци-

ей. Но я ни разу его не видел. Загадка, не так ли? Посмотри на Мутури, Нжугуну, Руоро и даже на старика Нжогу: им не нравится мой осел. А знаешь почему? Они говорят, он ест столько травы, что хватило бы на несколько коров. Я знаю, что они страшно ревниво следят за аппетитом моего осла. Понимаешь, он ест даже корни, он умеет находить воду там, где ее не найдет ни корова, ни коза. Вот почему у них в глазах застыло это выражение. Видел ты глаза этой старухи? Какой блеск... дьявольский блеск, ведь верно? Присмотришься. Но скажи мне, мвалиму: правда, что однажды она наложила кучу возле школьной двери? А дети на тебя подумали? Ха-ха-ха! И ты сам все убрал? Ха-ха-ха! Иосиф, лентяй несчастный! Видел ты когда-нибудь такого чернокожего лентяя? Еще пива для мвалиму! Но скажи мне, правда это?

– Послушай, Абдулла, – отвечал Мунира, снова пытаюсь увести разговор от щекотливой темы, – коль скоро ты заговорил о школе – почему ты не пускаешь на занятия Иосифа?

– А прислуживать в лавке кто будет? Осел?

Если не считать этих раздражающих его разговоров, Мунира свyksя с Илморогом и к другому миру – миру его жены, отца, Мзиго – начинал относиться с подозрением и враждебностью. В Лимуру он ездил лишь изредка, на ночь, вдруг усмотрев в бесконечных расспросах близких угрозу своей «свободе от обязательств». Стандартные вопросы Мзиго, казалось ему, содержат угрожающие нотки: уж не собирается ли он и впрямь исполнить свое обещание и посетить Илмо-

рог? Мунира выработал стереотипный ответ: «Адское местечко», – каковым надеялся отбить у Мзиги охоту приехать. Ему не хотелось, чтобы кто-то вдруг вмешался и нарушил заведенный им ритм учебы, ворвался в его мир. Иногда он заставлял ребят петь лишённые смысла песенки-считалки. Иногда давал им задачи на сложение и вычитание, а сам выходил на солнце.

Он наблюдал, как ритмично раскачиваются на поле фигурки работающих крестьян, с нетерпением ожидающих дождя, и вместе с ними начинал ощущать смутное беспокойство. Но солнце прикасалось к его коже нежным теплом, и Муниру вдруг наполняло ощущение огромности сердца, вместившего в себя Илморог, его мужчин, женщин, детей, землю – одним словом, все. Дом, семья и связанные с ними проблемы сразу улетали прочь.

В начале апреля пошли дожди. Глаза стариков заблестели: начинается новая жизнь в Илмороге; их сморщенные лица как бы разглаживались, наливаясь скрытой энергией. Теперь все были заняты в поле. Мутури, Нжугуна, Руоро, Нжогу – даже они в эти дни не приходили в лавку Абдуллы, так как падали с ног от усталости после целого дня работы в поле или блуждания за скотиной по раскисшим глинистым полям. Когда-то здесь не сеяли ничего, кроме ямса, сахарного тростника и бананов, и тем не менее никто не покидал деревни, но времена менялись, и старики уже не могли удерживать молодежь в Илмороге. Поэтому во время сева Мунира

пил один в компании Абдуллы и Иосифа. Он пропускал мимо ушей их ленивые пересуды, анекдоты и даже замечания на разные волнующие его темы.

Он шел или катил к себе домой на велосипеде, посторонний в деревне в эти дни посевной страды, и его охватывали печаль и одиночество.

Женщины торопливо здоровались с ним – они спешили в поле в короткие перерывы между потоками дождя. Но он пытался понять их и даже извлек для себя урок. «В труде есть достоинство», – говорил он детям. И с еще большим усердием заставлял их петь:

Коровы – богатство, Труд – отрада, Козы – богатство, Труд – отрада, Зерно – богатство, Труд – отрада, Деньги – богатство, Труд – отрада, Бог всемогущий, Ты приносишь нам дождь!

Прошло шесть месяцев, и Илморог стал казаться ему его личным владением; он был феодалом большого дома, крупным хозяином, мбари, обзоревающим свои поместья, избавленным, однако, от докучливой необходимости подсчитывать прибыли и убытки, павших и народившихся коз. Когда пришли дожди и проросли семена, а потом, в июне, поля покрылись цветами, ему казалось, что весь Илморог накинул на себя цветастые одежды в знак приветствия своему владыке и хозяину.

Он водил детей в поле изучать природу – так он называл эти прогулки. Он срывал цветы и объяснял своим учени-

кам названия различных их частей: стебель, рыльце, пестик, пыльца, лепестки. Он попытался даже объяснить им процесс оплодотворения. Кто-то из детей воскликнул:

– Смотрите! Цветок с кровавыми лепестками!

Этот цветок, один-единственный, багровел в гуще белых, голубых, сиреневых цветов. Как ни вглядывались в него, он, казалось, и в самом деле был окрашен кровью. Мунира наклонился и дрожащей рукой сорвал его. Теперь это был просто красный цветок: должно быть, игра света придавала ему раньше зловещий оттенок.

– Нет цвета, который назывался бы кровавым. Ты хотел сказать, что лепестки красного цвета. Вот видите? Вам нужно запомнить семь цветов радуги. Все цветы, которые растут тут, – разные, все они разных цветов, разных оттенков. А теперь пусть каждый из вас сорвет по одному цветку... Сосчитайте количество лепестков и пестиков и покажите мне пыльцу...

Он смотрел на цветок, который сорвал, и начал обрывать его безжизненные лепестки. Но тут еще один мальчик крикнул:

– И я тоже нашел! Кровавые лепестки... то есть, я хотел сказать, красные... У него нет ни рыльца, ни пестиков... он пустой внутри.

Мунира подошел к мальчику, остальные его окружили.

– Нет, ты ошибаешься, – сказал он, взяв у мальчика цветок. – Этот цвет даже не красный, он не такой сочный.

Этот цветок скорее желтовато-красный. Вот ты говоришь, что внутри он пустой. Посмотри на стебель, с которого ты сорвал его. Что ты видишь?

– Да, да! – закричали ребята. – Там гусеница, зеленая гусеница, и у нее много ножек.

– Верно. Этот цветок съеден червяком. Он не даст завязи. Вот почему нужно уничтожать червяков-вредителей... А если цветку не хватает света, он может изменить окраску.

Он был доволен собой. Но тут дети засыпали его вопросами, на которые не так-то легко было ответить. Почему одни поедают других? Почему тот, кого съедают, не может тоже съесть? Почему Бог допускает такое? Сам он никогда не задумывался над этим и, чтобы утихомирить их, сказал, что это просто закон природы. А что такое закон? И что такое природа? Это человек? Или Бог? Закон есть закон, а природа – это природа. А в каких взаимоотношениях находятся люди и Бог?

– Дети, – сказал он, – урок окончен, перемена.

Человек... закон... Бог... природа... Он никогда не задумывался всерьез об этих вещах и решил никогда больше не водить детей в поле. Заключение в четырех стенах, он чувствовал себя хозяином положения, он был независим, он сял знания, и ученики прислушивались к его словам с сосредоточенными лицами. Там, в классе, он мог уклониться от неприятных вопросов... Но в открытом поле, вне стен своего убежища, он не чувствовал себя в безопасности. Он подошел

к кусту акации и машинально стал обламывать ее острые шипы. Вспомнил, что беды его здесь начались оттого, что сперва он стал заниматься с детьми на улице. Как напугала его тогда Ньякинья! Вспомнив это, он инстинктивно посмотрел туда, где она когда-то стояла и засыпала его вопросами про город и про женщин на высоких каблуках.

Сердце Муниры вдруг замерло – он глядел и не верил своим глазам: через поле, направляясь к нему со стороны деревни, шла девушка. Яркий цветной платок – китенге – едва стягивал ее волосы и свободно падал на плечи; лицо было прикрыто от солнца.

– Как поживаешь, мвалиму? – смело заговорила она. Голос у нее был мелодичный и звучал как-то особенно приятно и чисто. В ее манере держаться, когда она протянула ему маленькую руку и посмотрела прямо в глаза, а затем внезапно, с детской застенчивостью опустила ресницы, ощущалась нарочитая покорность и почтительность. Он шумно сглотнул, прежде чем ответить.

– Все хорошо. Только жарковато, правда?

– Поэтому я и пришла.

– В Илморог?

– Нет. Сюда, к тебе. У тебя не найдется водички? Я знаю, что вода здесь нечто вроде тхахабу⁶.

– Совсем недавно прошли дожди. Наша речка полна воды.

– Значит, я не ошиблась, – сказала она. Ее нежный голос,

⁶ Золото (*суахили*).

ее слова вибрировали в воздухе, как бы лаская жаркую тишину.

– Заходи, – сказал он.

Вода была в глиняном кувшине, стоявшем в углу комнаты под книжной полкой. Он налил ей чашку и, пока она пила, смотрел на ее шею. Шея была длинная, грациозная, как у газели с илморогских равнин.

– Налей еще, если есть, – сказала она, переводя дыхание.

– Может быть, приготовить чаю? – спросил он. – Говорят, чай согревает кровь в холодную погоду и охлаждает в жару.

– Чай и вода наполняют в нас разные сосуды. Я бы выпила еще воды. А насчет чая не беспокойся: я заварю сама.

Он налил ей еще воды. Показал, где что лежит. В груди у него неожиданно разлилось какое-то тепло. Вдруг она громко расхохоталась, и это ощущение исчезло, родилась неуверенность – он инстинктивным движением проверил молнию на брюках; молния оказалась в порядке.

– Ох, мужчины, мужчины, – сказала она. – Значит, верно все, что говорят о тебе в деревне. Ты и в самом деле холостяк. Одна кастрюлька, одна тарелка, один нож, две ложки, две чашки. У тебя никогда не бывает гостей? Неужели у учителя нет возлюбленной? – спросила она, и в ее глазах сверкнули насмешливые огоньки.

– Ладно тебе. Скажи, ты давно здесь?

– Я приехала вчера вечером.

Вчера! И уже о нем знает! Он весь съежился... почувство-

вал угрозу той безопасности, в которой, как ему казалось, жил последние шесть месяцев. Что все-таки говорят о нем в деревне? Как избавиться от неизвестности, от всех этих сомнений? Извинившись, он пошел в класс. Пусть шпионит за ним, за каждым его шагом; он рассердился, и на мгновение это успокоило его. Ну не все ли равно? Он ведь здесь чужой, его удел – наблюдать, плыть по течению, не его дело предпринимать что-либо.

Он услышал шум и шелест страниц. Детвора, оказывается, следила за ним через окна и щели в стене. Их неестественная сосредоточенность подтверждала это подозрение. Неожиданно родился вопрос: а что о нем на самом деле думают дети? Он не ответил на него, так как тут же возник другой: а какое это в конце концов имеет значение? Он преподает уже столько лет – у него в крови вся эта жвачка, которую он должен до них донести, и никаких проблем не возникает, пока ты достаточно осмотрителен, чтобы не впутаться в нечто, сокрытое мраком... Да, не впутаться в нечто, сокрытое мраком, неизвестное, непостижимое... как цветы с кровавыми лепестками и все эти вопросы про Бога, закон и все такое прочее. Он не смог продолжать урок и, отпустив учеников за несколько минут до конца занятий, вернулся в свою комнату. Хотел кое-что спросить у незнакомки – как ее зовут, откуда она и так далее, осторожно, но неуклонно обратиться к неизбежному: уж не прислал ли ее Мзиго – шпионить за ним? Но разве это так уж страшно, если кто-то и в

самом деле станет следить за ним?

Пол был подметен, тарелки вымыты и положены сушиться. Но девушки уже не было.

2

Жизнь Муниры в Илмороге до сих пор напоминала непрерывные сумерки. Деревня относилась к нему с почтением, но и держалась на почтительном расстоянии. Он любил смотреть, как женщины работают на земле; это зрелище его волновало: казалось, что они сливаются с зеленеющими полями. Когда наступал сезон дождей, все выходили в раскисшее поле, обвязав голову мешковиной – конечно, она не защищала от дождя, но струи воды били по телу не так сильно, – и крестьяне приступали к севу, а он наблюдал за ними из безопасного укрытия: из школы или из лавчонки Абдуллы. Вот она, тяжкая изнанка жизни, говорил он себе. Дороги и надежное водоснабжение могли бы изменить к лучшему жизнь этих людей. Не говоря уж о медицинском обслуживании.

Особенно тяжело было смотреть на детей: рой мух вокруг слезящихся глаз и сопливых носов. И никакой одежды, кроме куска цветного ситца.

И вместе с тем сколько забот друг о друге посреди этого убожества! Как часто взгляду его представало восхитительное трио: один мальчишка укачивает плачущего ребенка, привязанного к его спине, второй – ритмично пошлепы-

вает ревущего малыша и напевает ему колыбельную:

Не плачь, малыш,
Кто посмеет обидеть тебя,
Будет проклят навек,
И вопьются шипы в его тело.
Если ты перестанешь плакать,
О, сын нашей матери,
Она скоро с поля вернется домой,
Принесет полный калабаш молока.

Их голоса – два-три голоса одновременно, – звонко звучащие в унисон, еще сильнее подчеркивали одиночество добровольного изгнанника. Они напоминали ему песни детворы на полях пиретрума, принадлежавших его отцу до начала войны «мау-мау».

Никакими иными путями деревня не вторгалась в его жизнь, так с какой же стати будет вторгаться в ее жизнь он, чужак?

Сейчас, когда он шел к Абдулле, он вдруг ощутил легкое беспокойство: тропу перебежала неуловимая, ускользающая тень. Но илморогский кряж был тих и спокоен. «Пусть так и будет всегда, мир без конца и без края», – шептал он про себя.

Он уже собирался постучать в заднюю дверь лавки Абдуллы, но внезапно почувствовал, как кровь бросилась ему в голову. На мгновение все мысли его смешались... что ж,

пожалуй... я еще не слишком стар... да, женщина – это и ад и рай одновременно. Он взял себя в руки и распахнул дверь.

– Вот еще одно твое убежище, мвалиму, – сказала она. – Видишь, я раскрываю все твои секреты.

– Это не секрет, – сказал он, усаживаясь. – Я пришел промочить горло.

– Твой чай прогнал мою жажду. Он был такой вкусный...

– Пиво еще лучше. Спроси Абдулла. Он всегда повторяет: «Баада йа кази, джибурудише на таскер»⁷. Выпьешь?

– Не откажусь, – засмеялась она и запрокинула голову; грудь ее вызывающе подалась вперед. Она повернулась к Абдулле: – Говорят, если не выпьешь того, что тебе причитается на земле, сопьешься на том свете.

Абдулла крикнул Иосифу, чтобы принес еще пива. Сам он приковывал с керосиновой лампой, протер стекло, зажег лампу и сел с ними рядом.

– Как тебя зовут? – спросил Мунира женщину.

– Ванджа.

– Ванджа Кахии? – спросил Абдулла.

– Откуда ты это знаешь? Так меня звали в школе. Я всегда дралась с мальчишками. И вытворяла все, что они вытворяют. Каталась на велосипеде, не держась за руль. Ходила на руках. Я даже участвовала в беге на руках. Зажимала юбку между ногами, чтобы не мешалась. Лазала по деревьям.

– Ванджа... Ванджа, – повторял Мунира. – А как дальше?

⁷ После работы нет ничего лучше, как освежиться «Таскером» (*кикуйю*).

– Не знаю, никогда не интересовалась. Если хочешь, выясню. Бабушка должна бы знать.

– А кто твоя бабушка? – спросил Абдулла.

– Ньякинья... вы ее знаете? Именно она и рассказала мне про вас обоих, илморогских чужаков.

– Ее тут все хорошо знают, – невнятно пробормотал Мунира.

– Мы с ней знакомы, – сказал Абдулла.

– Ты, наверно, приехала ее навестить? – спросил Мунира.

– Да, – сказала она тихо, еле слышно. И замолчала.

Абдулла кашлянул, покряхтел, повернулся к Мунире... наклонился к нему со своим неизменным заговорщическим видом. У Муниры засосало под ложечкой, когда он заметил зловещий огонек в глазах Абдуллы. Зачем снова вспоминать ту историю? Он вдруг почувствовал, как в нем закипает смертельная ненависть, и отчаянно пытался найти слова, которые отвели бы готовый обрушиться на него удар.

– Как ты думаешь, мвалиму, я уже слишком стар для твоей школы? – неожиданно спросил Абдулла, будто вспомнив что-то. Мунира громко, с облегчением вздохнул. – Может, я и Ванджу уговорю пойти в школу. Я не против того, чтобы побороться с ней и повалить ее на землю или подержать ее за ноги, когда она побежит на руках.

Ванджа засмеялась и посмотрела на Муниру. Теперь глаза ее казались суровыми.

– Этот колченогий... он злой. Но если дойдет до борьбы,

я хоть тысячу раз подряд положу его на лопатки.

Иосиф принес им еще пива.

Муниру приводило в восхищение, как мгновенно и неуловимо менялось выражение ее глаз – то казалось, она вот-вот расхохочется, то глаза становились суровыми... и вновь веселыми, а вместе с тем ее лицо оставалось невозмутимым.

– Чему я могу научить взрослого мужчину и взрослую женщину?

– Читать... писать... говорить по-английски через нос, – отпаривал Абдулла.

– Географии и истории далеких стран, – подхватила Ванджа.

– Это не принесет ничего хорошего школе. Вы превратите моих учеников в бунтарей. Один из моих учителей говорил: «Школу делает дисциплина».

– Сделай нас старостами, – сказал Абдулла.

– Классными наставниками. Мы будем записывать имена тех, кто шумит.

– Или тех, кто за спиной учителя корчит рожи.

– Или тех, кто покуливает.

– Или тех, кто пишет записочки девочкам... Но я знаю, почему мвалиму боится нас принять. Он опасается, что мы устроим забастовку. Порвем учебники, побьем учителей. Долой учителей!.. Разразится мятеж, школу закроют и...

Абдулла с увлечением рисовал картины воображаемой забастовки в школе. В голову ему приходили все новые и но-

вые идеи.

– Знаете, – говорил он, – была такая школа, где ученики устроили забастовку из-за того, что учитель отобрал у кого-то любовную записку.

И вдруг Абдуллу охватило непреодолимое желание рассказать историю про школу, которая едва не закрылась из-за того, что директора заподозрили, будто он навалил кучу прямо на школьном дворе. Он хотел уже начать, как вдруг вспомнил, что Ньякинья приходится Вандже бабушкой. Он заметил также, что Ванджа и Мунира давно уже сидят молча. Казалось, они унеслись куда-то далеко-далеко от непри-
нужденного застольного разговора, который вели всего лишь несколькими минутами раньше. Он взгляделся в лица: может быть, что-то случилось? На столе мерцала лампа. Тени мелькали на стенах, пробежали по лицам. Вот так же и по жизни, подумал Абдулла: оба они ему мало знакомы, их свел вместе только Илморог. Когда минутой позже Мунира заговорил, голос его был трезв, спокоен, но исполнен горечи.

3

– Чтобы стать старостой, – медленно начал Мунира, глядя в пол, поглощенный мыслями, о существовании которых он и сам не ведал, погружаясь в прошлое, о котором ему лучше было бы забыть, пересекая долины и горы, хребты и равнины времени, подвигаясь к предгорьям смерти, – нужно на-

учиться лизать сапоги тех, кто стоит выше вас, научиться так драить тарелки, чтобы они сверкали ярче, чем новые, или, как мы говорили в Сириане, превзойти Иисуса в ревностной молитве. Сириана... Вам бы побывать там в наши дни, до и во время грандиозной и дорогостоящей европейской пляски смерти, и даже после нее, тогда вы могли бы сказать, что наши ничтожные жизни, а также их страхи и кризисы протекали на фоне огромных перемен и неисчислимых бедствий, и это отразилось даже на именах, которые повсюду тогда давали новорожденным между Ньябани и Гитира. Но вы сами понимаете, что тогда мы были от всего этого ограждены в Сириане. Впрочем, я отклоняюсь. Я так и не научился лизать чужие сапоги. Я никогда не умел драить тарелки, чтобы они сияли ярче, чем новые, не умел «переиисусить»... э-э... господина Христа. Говоря честно, я ничем не выделялся. В классе я был средним учеником. Для занятий спортом мне не хватало мускулов и силы воли. Мое честолюбие, мои планы на будущее, в отличие от Чуи, никогда не заходили за пределы того, что отпустил мне Господь. Честолюбие, говорил тот же Чуи, цитируя английского писателя по фамилии Вильям Шекспир, честолюбие должно быть скроено из более крепкого материала. Сам он был из другого материала – по сравнению со всеми остальными. Это был высокий скуластый юноша с немного жестковатым лицом, у него были черные спутанные волосы, всегда, правда, с аккуратным пробором посередине. Он был элегантен и проявлял свой стиль во

всем: от манеры цитировать Шекспира до манеры одеваться.

Даже унылая школьная форма – серые брюки, белая накрахмаленная рубашка, синяя куртка и галстук со школьным девизом «За Бога и Империю» – выглядела на нем так, будто была сшита специально для него. Чуи первым стал пользоваться булавкой для галстука, и это стало у нас модой. Он первым стал носить спортивные шорты с отворотами, и это тоже вошло в моду.

Он был звездой в спорте, да и во всем: Чуи то, Чуи се, Чуи, Чуи, повсюду Чуи. Горы с их прохладным климатом, напоминавшим английским поселенцам об их далекой родине, сформировали его тело; истинным наслаждением было смотреть, как он играет в футбол, наблюдать за тем, как, атлетичный, стройный, раскачиваясь из стороны в сторону, он ведет мяч, делая неожиданные рывки влево или вправо, стараясь обвести противника. «Бей, бей, бей!» – осипшими голосами орала толпа зрителей. Это был актер, умело подыгрывающий неистовой галерке. Кстати, за ним так и оставалась кличка Шекспир, пока мы не услышали от него же о Джо Луисе и его подвигах на ринге. Тогда он превратился в Джо, особенно в те дни, когда наша школа играла против команд европейцев. «Джо, Джо, бей их, бей их, не попадешь по мячу, попади хоть по ногам!» То были его лучшие минуты. Ноги его действовали безукоризненно. Я думаю, что в такие минуты он воплощал всех нас, выступая против белых колонизаторов.

Когда я теперь вспоминаю об этом, мне кажется странным, что, несмотря на всю нашу ненависть к белым, мы никогда не воспринимали преподобного Хэлоуза Айронмангера как белого. Возможно, мы считали его какой-то особой разновидностью белого человека. Это был мягкий старичок, который больше походил на фермера, чем на директора миссионерской школы. Он был довольно рассеян и часто забывал свою черную, расшитую золотыми кружевами мантию в классе или в церкви. Когда он шествовал по газонам под ручку со своей кривоногой супругой (мы шутили, что, если бы она была вратарем, мяч пролетал бы у нее между ног), оба они казались пилигримами, ненадолго попавшими на землю, перед тем как вознестись на небо, где им предстоит вечно вспахивать белоснежные плантации, пить чай с молоком и вкушать взбитые сливки с ванилью и шоколадом. Преподобный Айронмангер любил Чуи и тоже называл его Шекспиром (но никогда Джо Луисом), чем всех нас очень веселил. Супруги нередко брали его с собой на загородные прогулки на их чадающем «Бедфорде». Они таскали его с собой в город на концерты и в кукольный театр. Вероятно, они видели в нем сына, которого у них никогда не было. Нас не удивило, когда на третий год Чуи был назначен старостой, что раньше являлось привилегией студентов четвертого года обучения.

Перед самым уходом Айронмангеров в отставку, когда они удалились в свою Англию – дожидаться смерти, как довольно непочтительно выражались некоторые студенты, – на

сцену вступил Кембридж Фродшем. Он изменил нашу жизнь прежде, чем мы успели с ним познакомиться. Только что вернувшись с войны, он уже имел четкое мнение о том, какой должна быть африканская школа. «Итак, мальчишки, в тропиках не может быть и речи о брюках». Он нарисовал словесный портрет выдуманного им губошлепого африканца, в сером шерстяном костюме, в шлеме от солнца, при галстукке и с белым, туго накрахмаленным воротничком, и издевательски смеялся: «Не вздумайте подражать этому субъекту. С этого дня в вашем рационе не будет риса: школа не собирается готовить людей, которые привыкнут жить не по средствам. И никакой обуви, дети мои, обувь только в дни молитв: школа не собирается готовить черных европейцев, нет, она намерена воспитывать истинных африканцев, которые не будут презирать неискушенную простоту своих предков. В то же время мы должны расти с твердой верой в Бога и Империю. Ведь именно они, Бог и Империя, избавили мир от гитлеровской угрозы».

Нам надлежало культивировать силу: спорт, бег по пересеченной местности, холодный душ в пять часов утра – все это стало обязательным. Мы отдавали честь британскому флагу каждое утро и каждый вечер под маршевые мелодии рожка и барабанов нашего школьного оркестра. Затем четким военным строем мы маршировали в церковь, чтобы вознести гимны Создателю: «Омой меня, Спаситель, и я стану белее снега!» Затем мы молились за вечное существова-

ние Империи, которая победила сатанинское зло, пустившее ростки в Европе на погибель детей Господних.

Забастовку организовал не кто другой, как Чуи. Мы требовали восстановления всех наших прежних прав, мы не желали носить шорты цвета хаки и есть подпорченные жучками бобы, сколько бы протеина ни содержалось в этих насекомых. И почему команды из европейских школ получают после игры глюкозу и апельсиновый сок, а наши – одну только воду? «Верните нам Айронмангера!» – кричали мы.

Сейчас я просто поражаюсь, что на меня тогда нашло. Должно быть, захватил общий подъем той минуты. Но за те три дня, когда мы решительно отказались салютовать британскому флагу, я, хотя это и не в моем характере, вошел в такой раж, что волей-неволей оказался в числе зачинщиков. Чуи, я и еще пятеро были исключены из Сирианы. Остальных вернули в классы, после того как в школе появились свирепого вида полицейские, вооруженные дубинками и гранатами со слезоточивым газом и щитами-дураи. Фродшем занял твердую позицию и победил...

Мунира замолчал. Пока он говорил, голос его становился все тише и тише. Но в нем была весомость и сила горького внутреннего переживания. Он и не представлял себе, что воспоминания об этом случае сороковых годов еще настолько живы в нем, что они могут причинить ему боль, как свежая рана. Может быть, пиво или присутствие Ванджи разбавили эту боль. Может, это, а может, что-то другое. Он

оторвал взгляд от прошлых дней, увидел плясавшие на стене гротескные тени. Ванджа откашлялась, точно хотела что-то сказать, но промолчала. Абдулла крикнул Иосифу, что пора убирать с прилавка. Мунира продолжал:

– О Чуи слышали потом и в Южной Африке, и в Америке. Для меня вся эта история послужила уроком. Честолюбие кроют из более прочного материала. Я оказался слишком мягок. Уход в себя... отказ от самого себя перед толпой, требующей ревностной причастности к делу, стали с тех пор моим уделом. Дайте же мне уйти в мою нору! К чему еще стремиться? Я говорю: дайте мне класс, дайте мне несколько внимательных учеников – и оставьте меня в покое!

Абдулла накинулся на Иосифа с бранью за то, что тот не подал им вовремя еще пива. Иосиф тотчас принес кружки. Абдулла крикнул, чтобы он прибрал на столе.

Иосифу было семь лет, у него были ясные глаза, но застывшее, невыразительное лицо. Его присутствие отвлекло их, все посмотрели на мальчика. Ванджа обратила внимание на его не заправленную сзади рубашку: она сразу заметила, что, прибирая на столе, он старается не повернуться к ней спиной. Стол был большой, с громадной трещиной посредине. Он старался дотянуться до той стороны, где сидела Ванджа, но это никак ему не удавалось.

– Дай мне тряпку, – сказала она. – Я тебе помогу.

– Пусть убирает сам. Лодырь, увалень, мешок с костями и жиром!

Она взяла тряпку и вытерла стол. Когда мальчик выходил из комнаты, она увидела, что у него рваные штаны, и все поняла.

– Он ходит в твою школу? – спросила она, повернувшись к Мунире.

– Нет-нет, – быстро сказал Мунира, точно снимая с себя ответственность за это.

– Почему?

– Спроси Абдуллу, – сказал он, глотая пиво.

– Посмотри на мою ногу, – отозвался Абдулла. – Не могу же я скакать на одной ноге по лавке. Я не мальчик.

Что-то печальное все время вмешивалось в этот так приятно начавшийся вечер.

– Послушай, Абдулла, – сказала Ванджа, помолчав. – Я здесь побуду некоторое время. Пусть мальчик ходит в школу. Я помогу тебе в лавке. Я знакома с такой работой. А теперь я должна идти. Мунира, я боюсь встретиться в темноте с гиеной. Проводи меня до дома бабушки.

Абдулла молча сидел за столом и не поднял головы, когда оба они простились с ним и вышли на улицу. Он позвал Иосифа.

– Запри дверь. Принеси мне еще пива и иди спать, – сказал он мягким голосом и на сей раз не осыпал мальчика бранью.

Всего за неделю она тоже стала одной из нас, новым объектом наших сплетен. Мы знали только одно: она приходит-ся Ньякинье внучкой и часто помогает старухе в работе по дому и в поле, но она оставалась для нас загадкой: зачем городской женщине пачкать руки? Зачем она ставит жестянку с водой на голову, на свои блестящие черные волосы, уложенные в красивую прическу? Что в действительности привело ее к воротам илморогской деревни, когда вся молодежь движется в противоположную сторону? С растущим любопытством следили мы за каждым ее шагом и потом очень подробно все обсуждали: что же еще делать в поле, разбивая ссохшиеся комья земли и ожидая, когда бобы и маис созреют? «Уйдет она отсюда», – говорили мы.

Однажды она исчезла. Мы были уверены, что она не вернется, несмотря на загадочную улыбку, всякий раз возникавшую на лице у старухи Ньякинье, когда мы спрашивали ее о внучке. Вели мы себя странно: разговаривали так, будто хотели, чтобы она не вернулась, на самом же деле ждали ее с нетерпением. Это было ясно написано на лицах всех соседей, когда по прошествии недели она вернулась в белом «Пежо», нагруженном ее вещами. Мы обступили машину. Впервые настоящий автомобиль стоял у дверей илморогского дома, и мы ощутили, как что-то изменилось на наших полях и гор-

ных кряжах. Мы помогли ей разгрузить машину. Шофер все время проклинал дорогу и говорил, что, знай он заранее, какая это окажется дорога, он ни за что не согласился бы на поездку. Во всяком случае, за такую плату. Почему бы не положить здесь дорогу, годную хотя бы для перевозки скота? Мы посторонились, пропуская машину, и долго махали руками, пока она не скрылась в облаке пыли. Затем наше любопытство переключилось на имущество Ванджи, и каждый предмет делался поводом для сплетен и пересудов: пружинная кровать «Воно», матрас из синтетической губки, кухонная утварь, особенно же скороварка, в которой вода вскипала без помощи дров или угля. Но, когда наступил вечер, более всего поразил наше воображение фонарь. «Илморогская звезда» – называли мы его, и те, кому приходилось покидать пределы нашей деревни, говорили, что он очень похож на городские фонари Руваини, те, что прицеплены к сухим деревьям. Ванджа поселилась в хижине неподалеку от Ньякиньи, и люди в течение недели слонялись перед ее жилищем, чтобы взглянуть, как она зажигает свой фонарь. Но вопрос остался без ответа: почему она вернулась в Илморог? Быть может, теперь к нам возвратятся все наши дети – что же это за деревня без молодых?.. В ту первую ночь после ее приезда мы так и не ложились спать. Ньякинья запела одну из традиционных песен-гитиро, которыми она когда-то славилась не только в Илмороге, но и за его пределами; низким голосом пела она гимны Ндеми и его женам, жившим во време-

на седой старины. Остальные женщины вторили ей, подывая. Вскоре все мы пели и пустились в пляс, дети бегали друг за другом в темноте, а старики и старухи разыгрывали сцены великого прошлого Илмороба. Это был настоящий праздник, хотя до сбора урожая оставалось еще много времени, и старики жалели лишь, что не успели приготовить медового пива, окропленного слюной Мвати Ва Муго, чтобы как следует воздать должное новым надеждам, с которыми мы связывали приезд Ванджи.

— Ньякинья нашла себе помощницу для сбора урожая, — одобрительно кивали головами старухи. — Вот уж поглядим, как она справится с работой в поле.

Цветочный наряд илморобских полей сменился зелеными стручками бобов и початками кукурузы. Крестьяне прореживали в полях всходы, выдирали сорняки. Колючки, ноготки и незабудки приставали к их одежде, и люди смеялись, шутили, рассказывали разные смешные случаи; все ожидали, когда поспеет урожай.

Смех и шутки скрывали их беспокойство о судьбе посевов. Хорошего урожая можно ждать, когда дожди и солнце равномерно сменяют друг друга. Плохому урожаю предшествуют слишком короткие дожди или нескончаемые обильные ливни, которые потом уже до самого конца сезона уступают место жгучему солнцу. Именно так и было в тот год.

Мы уже видели, что стручки бобов и гороха слишком коротки, а початки кукурузы мелковаты. И все же ждали уро-

жая, веря, что Бог не только забирает, но и дает.

* * *

Между Ванджей и Мунирой постепенно возникло взаимное понимание, не отягощенное излишней требовательностью друг к другу; их чувство не было глубоким и не грозило разбить их сердца. Просто, говорил он себе вначале, ему приятно ее общество. Он был спокоен и казался себе неуязвимым. Она принимала постоянные знаки внимания с его стороны с шутливой благодарностью. Было бы просто удивительно, если бы он поступал иначе, — казалось, говорила она. Она часто рассказывала о побережье, о белых рубашках-канзу, которые носят там люди, о похожем на молоко пиве мнази, о мохнатой скорлупе кокосовых орехов, разбросанной на пляжах, о рифах у входа в бухту Килиндини, о широких синих просторах моря, которые бороздят корабли из дальних стран. Она рассказывала об узких улочках арабских кварталов Момбасы, над которыми высится Форт-Иисус. «Нет, ну правда ведь смешно назвать форт именем Иисуса!» А когда Абдулла спросил ее, верно ли, что некоторые арабы умеют превращаться в женщин и в кошек, она только засмеялась в ответ и сказала: «Ну что ты за горожанин, если веришь в подобные небылицы? Деревенщина!» Она свободно рассуждала обо всех этих вещах — так, будто, где бы она ни побывала, всюду местные обычаи были ей привычны. Но она редко

рассказывала о своей личной жизни, о себе. Да Мунира и не проявлял интереса, он был не из тех, кто стремится снять покрывало с прошлого своего ближнего. Но его не оставляли безучастным многозначительные взгляды, которые она бросала на него и на Абдуллу, смелость в обращении, сменяющаяся деланой застенчивостью. Он не хотел в этом признаться, но его не оставляло равнодушным постоянное выражение ожидания на ее лице, болезненное любопытство и мудрость, светившиеся в ее глазах. Конечно, она не была к нему привязана, он это знал, и это вполне отвечало состоянию его души: нечто большее, чем простое знакомство, его пугало.

Он чувствовал, что, рассказав Вандже и Абдулле свою историю, поступил по-детски легкомысленно: он раскрылся перед ними и дал им над собою власть. Он не мог дождаться конца занятий, чтобы снова увидеться с Ванджей в лавке Абдуллы. Стакан пива... смех... Он осторожно подводил разговор к тому первому вечеру, когда он рассказывал им про Сириану, все время возвращался к этому, но никогда не говорил об этом прямо; но их лица оставались непроницаемыми, и невозможно было угадать, что же они думают о его провале. Она всегда была рядом – и в то же время далеко, и он ловил себя на мысли, что ему неприятно, когда она говорит с Абдуллой так же доверительно, как с ним. А может быть, по сравнению с Абдуллой он, Мунира, кажется ей слишком пресным? Он начал думать об Абдулле. Где он потерял ногу? Почему приехал в Илморог? Удивительно, как

мало он знает об Абдулле, да и обо всех других.

Низко над Илморогом пролетел самолет. Дети гурьбой выбежали из школы, они смотрели в небо, кричали, следя за каждым движением самолета и его тенью, которая стремительно пробежала по полю, илморогскому кряжу и равнине. Испуганно закричал осел Абдуллы, и этот звук резким диссонансом наложился на рокот самолета. Крестьяне, работавшие на кукурузных полях, высыпали на дорогу; сбившись в небольшие кучки, они следили за самолетом и спорили: что ему нужно от Илморога, чего ради он снова и снова описывает над деревней круги? Ванджа зашла в школу и задала Мунире тот же вопрос: что здесь нужно этому самолету? Мунира не мог ответить, но ему было приятно, что ее интересует его мнение. Может быть, они просто любят местный пейзаж, пробормотал он, когда самолет, описав очередной круг, исчез в облаках. В первый раз со времени их знакомства она пришла к нему в школу, и сейчас, когда она уходила, он смотрел ей вслед, завороченный ее упругой, слегка раскачивающейся походкой, и чувствовал, что его неотвратимо к ней потянуло.

Потом она стала являться ему во сне: они стояли на илморогском холме, касаясь друг друга грудью, и их тела напрягались от невысказанного желания. Они смотрели прямо в глаза друг другу, и школа была далеко, как и Кембридж Фродшем, который кипел от злости, хмурился и скрипел зубами: его выводил из себя благоухающий сад, которым было ее те-

ло. Они начинали бороться, но почему-то не падали на землю, а кувыркались в пушистых облаках, медленно вальсируя над горами и равнинами Илморога, тесно прижавшись друг к другу, и горячая кровь искала выхода, и вдруг он чувствовал, что больше не может сдерживаться. По утрам ему делалось невыносимо стыдно. Опасность подстерегла его. «Что же творится со мной, с человеком, который хотел быть только наблюдателем?» – стонал он. День или два он изо всех сил старался казаться равнодушным в ее обществе. В сумерках он бродил по холмам, пытаясь постичь суть этого нового чувства. Куда девалось его мужское самообладание? Неужели ему суждено жить на краю пропасти в вечном страхе перед хаосом неизвестности?

Прошло несколько дней после появления самолета, и в Илморог приехали в «Лендровере» какие-то люди в одежде цвета хаки. Они ходили по полям, обмеривали землю рулеткой, вбивали красные колышки. Местные жители не отходили от них ни на шаг: кто они такие и зачем вторгаются на чужую землю? В то же время их восхищали принесенные этими людьми инструменты: измерительные цепи, теодолит, подзорная труба, висевшая у одного из них на шее, – время от времени он приставлял ее к глазам. Люди говорили, что в подзорную трубу можно увидеть край света. Мунира стоял в отдалении. Подошла Ванджа, остановилась рядом с ним и внимательно разглядывала старшего группы. Он тоже подошел к Мунире и попросил воды. Мунира послал одного из

учеников в школу – принести кувшины и стаканы – и спросил приезжего:

– Что тут творится?

– Я инженер, – ответил тот. – Мы проводим предварительный осмотр местности для будущей дороги через Африку.

– Куда она пойдет?

– Заир, Нигерия, Гана, Марокко – через всю Африку, – объяснил инженер и вернулся к своим товарищам.

Обернувшись к Вандже, Мунира увидел, что она быстро уходит, вернее, даже бежит, точно ее укусила оса. Вечером в лавочке Абдуллы собралась едва ли не вся деревня; люди спрашивали, что сказал инженер – может быть, это давно обещанный канал? Ванджи в лавке не было. «Странно», – думал он, прислушиваясь к разговорам.

– Надеюсь, они не заберут наши земли, – выразил общее опасение Нжугуна, когда Мунира рассказал о будущей дороге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.